

Отблеск дальнего вечера

Ничего подобного в тот вечер никто, должно быть, не ожидал. Сыграв объявленные в афишах бетховенские сонаты, профессор М. Юдина вопреки всем традициям почтенного Большого зала Московской консерватории вдруг обратилась к слушателям со словами: «А теперь позвольте мне прочесть стихи Анны Ахматовой».

— Сейчас, через годы, — рассказывает пермский искусствовед Раиса Германовна Андаева, поделившись с нами этим давним, студенческих времен, воспоминанием, — трудно говорить о подробностях концерта, закончившегося так необычно. Но и теперь у меня нет никаких сомнений, что второе мое тогдашнее впечатление от прочитанного М. Юдиной было соразмерно первому и что казавшееся поначалу довольно рискованным желание музыканта во всем себя оправдало...

Кто бы мог подумать, что тот полузабытый вечер получит в жизни нашей собеседницы такое долгое, в два десятилетия, продолжение, заронит в душу столь высокое и сильное пламя, даст мысли энергию, не иссякающую и сегодня? Чтение книг Ахматовой мало-помалу становилось потребностью, пристрастное внимание ко всему, что относится к ее поэзии и личности, к ее поражающей воображение «двувременной» судьбе, снова и снова приводило искусствоведа в библиотеки и архивы.

Рано или поздно этот, в общем-то, просто читательский интерес сомкнулся у Андаевой с интересами профессиональными — исследователя изобразительного искусства, заведующей отделом графики Пермской художественной галереи. Кто из художников писал Ахматову? Где, когда, при каких обстоя-

тельствах? Сколько ее портретов известно, где они находятся? Искала, продолжает искать ответы на эти вопросы в переписке с художниками, историками литературы, энтузиастами-исследователями в разных городах, не забывая об этих вопросах ни в служебных командировках, ни в отпускных путешествиях.

Петров-Водкин, Альтман, скульптор Наталия Данько... Портреты их работы, пожалуй, самые известные хотя бы потому, что все три можно видеть на стендах Русского музея в Ленинграде. Ахматова там юная, с дерзкой своей челкой, неприступно отрешенная в расцвете красоты и славы. Но самые ли это ранние? Оказалось, что одним из первых писал ее француз Модильяни. Сохранился только один из шестнадцати портретов — тот, где образ, проступая легким и как бы мерцающим силуэтом, кажется, вот-вот навеки исчезнет в глубинах времен.

Как-то на глаза искусствоведу попался набросанный ахматовской рукой архивный список, где перечислены имена художников, писавших ее. Портретов набралось примерно сорок. С просьбами позировать обращались к ней Делла Вос-Кардовская и Георгий Верейский, Николай Тырса и Александр Тышлер, Константин Елисеев и Владимир Милашевский, Мартирос Сарьян и... актер Алексей Баталов, а у Натана Альтмана, близко знавшего семью поэтессы, нашлась целая серия дружеских шаржей.

Искусствовед составила свой перечень — получилась многостраничная таблица. Не сорок — триста названий было в ней! В домашних папках одна за другой появлялись фоторепродукции. Вглядываясь в них, можно было не спеша размышлять о том, как в чередѣ индиви-

дуальных почерков художников, в смене изобразительных стилей отражались эпоха, жизнь народа, глубинная связь искусства с судьбой поэта.

Во все концы страны идут из Перми в мастерские художников письма с просьбой поделиться мыслями о том, чем был продиктован выбор модели, как возникал и воплощался замысел на полотне, в скульптурной композиции, на графическом листе. Постепенно складывалась ахматовская серия и в фондах галереи. Старамины заведующей отделом графики попали сюда работы Моисея Ланглебена, Юрия Могилевского, Николая Калины, последние прижизненные портреты, выполненные ленинградскими мастерами Антониной Любимовой и Гертой Неменовй.

А совсем недавно Андаева получила из Киева коллекцию экслибрисов украинского графика Мистецкого «Здесь жила Ахматова». Рядом с названием города (Севастополя и Ленинграда, Москвы и Одессы, Пушкина и Ташкента) автор поместил имя того, кому каждая миниатюра посвящена. К немалому удивлению, искусствовед нашла здесь и собственное имя. С легкой руки Мистецкого в число мемориальных ахматовских городов попала, стало быть, и Пермь — город, где Анна Андреевна ни разу не была.

Происхождение такого географического курьеза не так уж трудно объяснить: коллекция Андаевой не лежит за семью печатями. По «Ахматовским беседам», с которыми постоянно выступает искусствовед, о ней хорошо знают в городе, особенно студенческая молодежь.

Ю. НАДЕЖДИН.

ПЕРМЬ.